

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
УРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІІ.

1884.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.
1884.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія 1

В. О. Миллеръ. Къ вопросу о славянской азбукѣ (съ таблицей) . . . 1

Н. В. Бударцевъ. Русская Лапландія. I—II. 36

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Д. Рязскій. Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ 72

И. В. Помяловскій. Реальный словарь классической древности Любкера въ русскомъ переводѣ 119

И. И. В. Наши педагогическіе вопросы. Вар. К. Корфа. М. 1882. . . 144

А. С. Вудиловичь. Маріинское Четвероевангеліе. Трудъ В. Явича. С.-Пб. 1883 152

— Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи 169

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Забѣтки о ореднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. I—II 1

— Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ) 23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1882 году . . . 1

— Курляндское общество литературы и искусствъ 18

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 20

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Th. Stollusky. De lege Antimachea scaenica. 1

И. И. Холоднякъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латини 26

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го марта).

КЪ ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКѢ.

Если бы пишущій эти строки былъ специалистомъ по славяновѣдѣнію, быть можетъ, онъ не рѣшился бы выступить съ своимъ мнѣніемъ по такому сложному и запутанному вопросу, какъ вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ, которымъ много и долго занимались чуть ли не всѣ выдающіеся слависты. Но авторъ—не специалистъ по славяновѣдѣнію и потому, оградивъ себя словами *videant periti*, рѣшился сказать откровенно, что онъ вынесъ изъ чтенія литературы, относящейся къ этому вопросу, и изъ нѣкоторыхъ наблюденій. Если бы оказалось, что его взглядъ на данный вопросъ ошибоченъ, то и это, быть можетъ, не было бы безплодно для дальнѣйшаго движенія науки: критикъ-специалистъ долженъ былъ бы еще разъ тщательно пересмотрѣть вопросъ и по поводу чужаго заблужденія нашелъ бы возможность сдѣлать цѣпныя для науки замѣчанія. Вѣдь нерѣдко бываетъ, что у специалиста по тому или иному вопросу наваливаются отрывочныя замѣтки и наблюденія, которыя неудобно выпустить въ свѣтъ въ не обдѣланномъ видѣ, но которыя удобно могутъ быть утилизированы при разборѣ чужаго мнѣнія.

Покойный А. А. Котляревскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ ¹⁾ высказываетъ о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи славянскихъ азбукъ слѣдующее мнѣніе, съ которымъ, вѣроятно, всякій согласится: „Рядъ усилій разъяснить темное происхожденіе славянскихъ письменъ, время ихъ возникновенія и взаимныя отношенія далеко не можетъ быть признанъ законченнымъ. Достоверныхъ,

¹⁾ Библиологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе, стр. 209) и слѣд.

согласиться. Архимандритъ Амфилохій ¹⁾ объясняетъ буквы: а, в, г, д, е, л, м, п, о, ѡ, р, с, ф, х, ч, з (зѣло) ѡ, ѳ изъ греческихъ IX в., буквы б, в, т, ш, ц—изъ еврейскихъ, букву—п изъ латинской, и считаетъ также глаголическія з, и, і, оу, у заимствованными изъ греческихъ письменъ, но болѣе оразнообразненными, чѣмъ предыдущія 18 греческихъ буквъ.

3) Многія глаголическія буквы, восходящія, какъ и соотвѣтствующія кирилловскія, къ греческимъ, отличаются болѣею вычурностью и сложностью рисунка. Желаніе приукрасить болѣе простое начертаніе особенно кружечками видно изъ рисунка многихъ буквъ, на примѣръ, в, д, л, м, ф (см. таблицу); то же относится къ буквѣ ш, почти тожественной въ глаголицѣ съ кириллицей, съ тѣмъ отличіемъ, что въ глаголицѣ прямая перпендикулярная черточка замѣнена излюбленнымъ кружечкомъ.

4) Въ начертаніи глаголическихъ буквъ замѣтна болѣшая искусственность, нежели въ кирилловскихъ: общее впечатлѣніе, которое эта азбука производитъ, то, что она—дѣло личнаго изобрѣтателя, и потому до сихъ поръ такъ мало успѣха имѣли попытки ученыхъ отыскать въ письменахъ разныхъ народовъ прототипы глаголическимъ буквамъ. Ганушъ старался доказать сходство нѣкоторыхъ буквъ съ германскими рунами ²⁾; Шафарикъ ³⁾ указывалъ на сходство нѣкоторыхъ начертаній съ письменами восточными (сирскими, армянскими, пальмирскими и друг.); Тэйлоръ ⁴⁾ стоитъ за происхождение всѣхъ буквъ глаголицы изъ греческаго курсива X в., архимандритъ Амфилохій—за происхожденіе большинства буквъ изъ греческихъ письменъ (курсива и тайнописи), а нѣкоторыхъ буквъ—изъ латинскихъ и еврейскихъ. Трудно думать, что наука не доискалась до сихъ поръ прототиповъ глаголическихъ буквъ потому, что не достаточно знаетъ современныя изобрѣтателю глаголицы письмена восточныхъ и западныхъ народовъ. Эти письмена хорошо извѣстны, и еслибы составитель глаголицы пользовался тѣмъ или другимъ восточнымъ или западнымъ алфавитомъ, не стараясь замаскировать свой источникъ, то конечно, во-

¹⁾ См. въ III томѣ Галичскаго Четвероевангелія статью о подложности отрывковъ глаголическихъ, такъ-называемого, Реймскаго Евангелія, относимаго археологами славянскими къ XI в., и о ключѣ къ глаголическому письму.

²⁾ См. его статью: Zur Slav. Runenfrage, въ *Archiv f. Kunde Oesterreich. Geschichts-Quellen* XVIII, I.

³⁾ Památky hláholek. písemnictví § 10.

⁴⁾ *Archiv f. Slav. Philologie*, V, стр. 191.

прось объ источникахъ глаголицы былъ бы давно рѣшенъ. Неудача попытокъ ученыхъ, кажется, должна быть объяснима тѣмъ, что составитель глаголицы дѣйствительно хотѣлъ быть изобрѣтателемъ совсѣмъ новыхъ письменъ, и если нѣкоторыя начертанія были ему навѣсны какими-нибудь уже извѣстными письменами (греческими или восточными), то въ большинствѣ случаевъ онъ старался быть оригинальнымъ. Если это такъ, то едва ли наукѣ удастся разъяснить точно процессъ изобрѣтенія глаголицы, и едва ли можно идти дальше нѣкоторыхъ догадокъ. Такъ, можно думать, что благочестивая мысль руководила изобрѣтателемъ, когда онъ придалъ первой буквѣ, открывавшей азбуку, видъ, напоминающій крестъ; или, быть можетъ, выбралъ изъ греческихъ курсивныхъ начертаній звука *a* такую форму, которая представляла крестъ (см. таблицу); что нѣкоторыя буквы навѣсны греческими письменами, при чемъ все же проглядываетъ желаніе видоизмѣнить, замаскировать оригиналъ (буквы *г, д, л, м, п* и др.) прибавленіемъ кружечковъ, обращеніемъ буквъ въ другую сторону (напримѣръ, *е*) или вверхъ ногами (*sit venia verbis*), напримѣръ, *р*; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертанія, близкія по формѣ, установились для близкихъ другъ ко другу звуковъ: напримѣръ, начертаніе для *г* (вышедшее, по Тэйлору и архим. Амфилохію, изъ греческой курсивной гаммы, произносившейся въ IX вѣкѣ уже какъ новогреческая, то-есть, какъ звучный гортанный *сиринтъ*) было съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ детали утилизировано для *х*, начертаніе для *о* въ удвоенномъ видѣ пригодилося для *у*. Но всѣ эти домыслы имѣютъ уже второстепенный интересъ для науки; они, на нашъ взглядъ, могутъ только подтвердить убѣжденіе, что составитель глаголицы былъ въ полномъ смыслѣ изобрѣтатель, что глаголица не есть азбука, возникшая исторически, а дѣло личнаго творчества. Это убѣжденіе, возникающее само собою при внимательномъ просмотрѣ глаголическихъ буквъ, на нашъ взглядъ, можетъ объяснить отчасти различную судьбу, постигшую объ славянскія азбуки: быть можетъ, покажется страннымъ, но мы рѣшаемся предположить, что глаголица не имѣла успѣха именно потому, что была дѣломъ личнаго творчества; была изобрѣтеніемъ, и что, напротивъ, кириллица восторжествовала именно въ силу того, что была азбука, сложившаяся исторически. Дѣйствительно, исторія письменъ показываетъ, что широко распространенныя письмена складываются исторически; что въ основѣ большинства алфавитовъ Азіи и Европы лежитъ азбука финикійская, которая въ разные времена у разныхъ народовъ подвергалась различнымъ видоиз-

измѣненіямъ; что народы, вступавшіе послѣдовательно въ кругъ грамотныхъ, обыкновенно получали письмена отъ болѣе культурныхъ сосѣдей и составляли свою азбуку, болѣе или менѣе прилаживая чужія письмена къ выраженію звуковъ роднаго языка. Подобныя наблюденія въ исторіи письма побудили Вильгельма Гримма ¹⁾ даже сказать, что изобрѣтателя азбуки можно столь же мало допустить, какъ изобрѣтателя грамматики. Извѣстные изобрѣтатели письменъ обыкновенно оказываются лишь реформаторами: они находили у народа, для котораго составляли новый алфавитъ, уже зачатки письменъ, и устройство азбуки заключалось въ томъ, что такъ-называемый изобрѣтатель составлялъ болѣе точную и полную азбуку, соединявъ прежнія письмена съ письменами какого-нибудь сосѣдняго культурнаго народа. По изслѣдованію Цахера ²⁾, епископъ Вульфила составилъ готскую азбуку слѣдующимъ образомъ: 1) онъ приблизилъ германскія рунны съ небольшими измѣненіями къ соответствующимъ греческимъ буквамъ; 2) принялъ нѣкоторыя греческія начертанія, гдѣ рунныя, по практическимъ потребностямъ, казались неудобны; 3) сохранилъ рунны для національныхъ готскихъ звуковъ, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ; 4) придавъ руннымъ знакамъ, похожимъ на нѣкоторыя греческія, звуковое значеніе сихъ послѣднихъ. Тотъ же ученый замѣчаетъ, что для буквъ этой новой, христіанской, азбуки еще долгое время сохранялись древнія названія германскихъ рунъ.

Не болѣе изобрѣтателемъ, чѣмъ Вульфила, былъ и блаженный Мебропъ, составитель армянской азбуки. Изъ легенды о немъ, сообщаемой Моисеемъ Хоренскимъ, видно, что до Месропа Армяне уже употребляли письмена сассанидскія (персидскія). Месропъ долго занимался вопросомъ о національныхъ письменахъ и наконецъ, въ 15-й годъ царя Врамшануха, по божественному вдохновенію, составилъ армянскую азбуку. Сличеніе ея съ греческою и персидскою (время Сассавидовъ) показываетъ, по мнѣнію Фридриха Мюллера ³⁾, что основаніе ея арамейское, при чемъ нѣкоторыя буквы заимствованы изъ греческой азбуки. Впрочемъ Гардтгаузенъ, старается всѣ буквы армянской азбуки вывести изъ греческихъ унциаловъ и курси-

¹⁾ D. Runen, 25, 39.

²⁾ Das gothische Alphabet Vulfila's, 1855, p. 53.

³⁾ Fr. Müller, Ueber den Ursprung der armenischen Schrift, въ *Sitzungsberichte d. K. A. d. Wiss.* XLVIII pp. 431 и слѣд.

вовъ ¹⁾. Для насъ въ этомъ частномъ вопросѣ важно только то, что и армянскій изобрѣтатель письменъ былъ не болѣе какъ реформаторъ, и что составленная имъ азбука восходитъ къ письменамъ другаго (или другихъ) культурныхъ народовъ. Исходя изъ этихъ и другихъ данныхъ исторіи письменъ, можно намѣтить то различіе между глаголицей и кириллицей, что послѣдняя есть азбука, сложившаяся исторически, такъ какъ въ основѣ ея лежитъ азбука Грековъ, азбука того народа, который оказывалъ наибольшее культурное вліяніе на извѣстныя славянскія племена. Но въ этой азбукѣ изъ греческихъ письменъ взяты 24; для остальныхъ славянскихъ звуковъ греческая азбука не могла дать начертаній, вслѣдствіе отсутствія соответствующихъ звуковъ въ греческомъ языкѣ. Составителю славянской азбуки пришлось дополнить греческую рядомъ новыхъ буквъ „по словѣнстѣй рѣчи“, и по общему мнѣнію, онъ придумалъ эти буквы, пользуясь для нѣкоторыхъ буквами латинскими, еврейскими, можетъ быть, коптскими и армянскими. Во мнѣніяхъ, откуда была взята та или другая буква изъ числа добавленныхъ къ греческимъ, ученые расходятся, а начертанія нѣкоторыхъ буквъ (напримѣръ, ъ, ѣ, љ, њ) приписываются личной изобрѣтательности составителя. Признаемся, что такой процессъ составленія азбуки не кажется намъ правдоподобнымъ. Историческая аналогія показываетъ, что азбуки не складываются изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что онѣ слагаются обыкновенно не болѣе какъ изъ двухъ другихъ, при чемъ одна обыкновенно принадлежитъ народу, вліяющему своею культурой и религіей на народъ, для котораго вводятся новыя письмена, другая же иногда представляетъ національныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе раннія письмена народа, употреблявшіяся „безъ устроенія“. Изобрѣтатель кириллицы, черпавшій для добавочныхъ къ греческой азбукѣ письменъ по одной или двѣ буквы изъ трехъ, четырехъ иноземныхъ азбукъ,—явленіе далеко не заурядное, и такого изобрѣтателя скорѣе можно было бы найти въ лицѣ какого-нибудь лингвиста XIX вѣка, нежели въ лицѣ даже очень образованнаго Грека IX вѣка. По нашему мнѣнію, очень стоитъ подумать о томъ, не есть ли кириллица—историческая азбука и въ своей второй, не греческой половинѣ, не восходятъ ли „добавленные“ буквы всѣ сплошь къ какой-нибудь одной азбукѣ, которая могла употребляться у Славянъ, и не состоятъ

¹⁾ Ueber den griechisch. Ursprung der armenisch. Schrift, въ *Zeit. d. D. Morg. Ges.* XXX. p. 74 и слѣд.

ли изобрѣтеніе автора кириллицы лишь въ томъ, въ чемъ состоитъ изобрѣтеніе Вульфила, то-есть, въ томъ, что онъ реформировалъ азбуку, уже равнше употреблявшуюся у Славянъ, замѣнивъ въ ней 24 буквы соотвѣтствующими греческими и сохранивъ остальные буквы въ неприкосновенномъ видѣ (кромѣ нѣкоторыхъ детальныхъ измѣненій), такъ какъ замѣнить ихъ греческими не было возможно.

Конечно, въ добавленныхъ буквахъ нельзя видѣть славянскихъ рушь, вопросъ о существованіи которыхъ до сихъ поръ стоитъ открытымъ. Скорѣе слѣдуетъ искать прототиповъ этимъ буквамъ на Востокѣ, и нѣкоторые изслѣдователи уже искали ихъ въ еврейскихъ, арийскихъ и иныхъ письменахъ. Но можно спросить себя: не было ли на Востокѣ такого народа, котораго письмена были широко распространены, который могъ бы, при посредствѣ другихъ народовъ, передать свои письмена Славянамъ, и въ письменахъ котораго можно было бы пайти не дѣтъ-три буквы сходныхъ съ добавленными, а всѣ или почти всѣ эти буквы, и притомъ безъ палеографическихъ натяжекъ. Намъ кажется, что такимъ народомъ были Персы въ періодъ династіи Сассанидовъ (отъ III по VII вѣкъ), которыхъ власть при Хозрой I и II простиралась широко по всей передней Азіи отъ Средиземнаго моря до Инда, отъ Сыръ-Дарьи до Аравіи, Египта и Либіи. Этотъ народъ съ сравнительно высокою и древнею культурой, съ обширною религіозною литературой вслѣдствіи и упорныхъ войны съ обоими сосѣдями южныхъ Славянъ—съ Греками на западѣ и Хазарами на востокѣ, именно въ Закавказьѣ, гдѣ границы Хазаръ примыкали къ персидскимъ. Персидскія письмена времени Сассанидовъ сохранились на монетахъ и надписяхъ; въ этихъ письменъ, арамейскаго (и въ концѣ концовъ финикійскаго) происхожденія, именно изъ тѣхъ формъ, которыя они имѣли въ началѣ VI вѣка, развилось, какъ предполагаютъ иранисты, письмо, употребительное въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ Авесты. Хотя извѣстныя доселѣ рукописи священныхъ книгъ религіи Заратустры довольно позднія (не раньше XIII вѣка), но всѣ иранисты согласны въ томъ, что въ нихъ тщательнo сохранены формы древнихъ письменъ, и что азбука Авесты уже существовала въ VI вѣкѣ. Замѣтимъ, что это азбука чрезвычайно богатая: Масуди ¹⁾ говоритъ, что въ языкѣ Авесты употребляется не менѣе шестидесяти буквъ, и хотя это число нѣсколько преувеличено, но въ дошедшихъ до насъ руко-

¹⁾ Masoudi—Les Prairies d'or, II, p. 124.

писяхъ употребляется 48 буквъ. Изъ этихъ-то письмежъ, по видимому, можно безъ натяжекъ выводить формы кирилловскихъ добавочныхъ буквъ, какъ это поясняетъ прилагаемая таблица.

Наша таблица нуждается въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Прежде всего нужно принять въ расчетъ, что кирилловскія буквы выпрямлены подь типъ греческихъ унциаловъ, между тѣмъ какъ начертаніе авестійскихъ буквъ округло и паклонно, и соотвѣтствуетъ нашему курсиву.

Вовторныхъ, авестійскія буквы пишутся справа на лѣво, и потому въ кириллицѣ онѣ являются повернутыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ради большаго практическаго удобства. Просмотримъ теперь отдѣльныя буквы.

1) Кирилловская ш, тождественная съ глаголическою, совершенно совпадаетъ съ буквой для звука ш на монетахъ Сассанидовъ; въ рукописяхъ Авесты эта буква лишь слегка видоизмѣнилась, ставъ курсивною: третій штабъ не доводился до низу; а потому и черта, соединяющая его со среднимъ, подпалась кверху. Впрочемъ, въ рукописяхъ встрѣчаются формы ш болѣе близкія къ славянскому, нежели типъ, установленный для печати. Конечно, авестійскій ш (š), какъ и еврейскій шинъ, восходитъ къ финикійской буквѣ, также состоящей изъ трехъ штабовъ; но нѣтъ основанія предполагать, что составитель славянской азбуки взялъ эту букву непосредственно изъ еврейской, такъ какъ другія добавленныя буквы восходятъ къ иному источнику, и притомъ начертаніе ш на сассанидскихъ монетахъ ближе къ славянскому, нежели еврейскій шинъ, который притомъ звучалъ и с и ш, смотря по діакритическому пункту.

2) Кирилловскую букву ѡ, отличающуюся отъ глаголической тѣмъ, что въ послѣдней нижняя отвѣсная черточка замѣнена кружечкомъ, принято считать лигатурой, составленною изъ ш и т. Съ перваго взгляда въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего повѣртливаго. Но нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства: 1) Такая лигатура въ азбукѣ, избѣгающей лигатуръ, представляетъ исключеніе: буквы ѡ и ѱ прямо взяты съ греческаго, а буквы ѡ, ю и іотированныя ѡ, ѡ, ѡ едва ли могутъ быть названы лигатурами съ такимъ же правомъ, какъ ѡ, ибо въ нихъ оба элемента стоятъ рядомъ, и ихъ сложность весьма наглядна. 2) Если ѡ есть лигатура изъ ш—т и проносилась какъ шт, то можно было бы ожидать, что мы найдемъ эту букву всюду какъ обозначеніе группы шт. Однако, въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго письма болгаро-паннонскаго извода

мы находимъ для группы шт не эту лигатуру, а чаще двѣ рядомъ стоящія буквы шт. Такое написаніе этой группы употребительно, напримѣръ, въ Зографскомъ глаголическомъ Четвероевангеліи, въ Клоціевой Глаголять, въ Супрасльской рукописи, въ Македонскомъ листкѣ, а изъ памятниковъ, перенесенныхъ на Руси, въ Чудовской толковой Псалтири, въ Евгеніевской Псалтири, въ обоихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 гг. Напротивъ, въ изводахъ болѣе окрашенныхъ русскимъ или сербскимъ характеромъ, не находимъ шт, но щ: напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, въ Туровскомъ Евангеліи, въ Саввиной книгѣ евангельскихъ чтеній, въ XIII словахъ Григорія Богослова, въ нолбрийской Миневѣ 1097 г., а также въ сербскихъ Евангеліяхъ XII в. (Мирославово, Волканово). Изъ древнихъ рукописей, въ которыхъ дѣйствительно смѣшивается щ и шт, можно назвать, напримѣръ, Ватиканское глаголическое Евангеліе (аще и аштѣ, ищетъ и обраштеси и т. п.), Аонское Григоровичево глаголическое Евангеліе (свѣщавъ и стоѣшта, отвѣщавъ и свѣштахъ, и т. п., по съ преобладаніемъ шт), Болонскую Псалтирь, и отчасти Сборники Святослава, но опять-таки съ значительнымъ преобладаніемъ болгарскаго шт надъ щ. Изъ такого употребленія въ однихъ рукописяхъ шт, въ другихъ не менѣе древнихъ щ, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что едва ли составителемъ азбуки начертаніе щ было съ самаго начала введено какъ лигатура или замѣна шт: вѣдь не счелъ же онъ пужнымъ внести лигатуры для такой же группы жд, составляющей, также какъ и шт (вмѣсто щ), существенную черту ц.-славянскаго консонантизма. Вѣроятно же, что буква щ выражала иной звукъ, нежели группа шт. Звукъ, котораго не было въ нѣкоторыхъ областяхъ церковно-славянскаго языка, но который существовалъ въ русскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ, и что эта буква не была нужна для нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Извѣстно, что церковно-славянскимъ группамъ жд, шт соответствуетъ въ новоболгарскомъ жд, шт (межда, свѣшта), въ сербскомъ ђ, ѣ (меѣа, свијеѣа), въ хорутанскомъ j, ě (меја, свеѣа), въ чешскомъ z, s (meze, svíce), въ польскомъ dz, s (miecza, świeca), въ русскомъ ж, ч (межа, свѣча). Церковно-славянскія жд, шт являются результатомъ первоначальныхъ dj, tj и далѣе дж, тш; по эти жд и шт образовались не черезъ перестановку изъ дж и тш, а, по болѣе вѣроятному объясненію, посредствомъ вставки передъ группою дж, тш поваго паразитнаго дыхательнаго ж, ш, при чемъ получались группы ждж, штш, изъ которыхъ могли уже образоваться группы жд, шт при опущеніи втораго дыхательнаго:

такое опущеніе довольно обычно въ церковно-славянскомъ языкѣ и даже можетъ быть названо правиломъ: дѣсць и дѣстѣ, русск. пишаль (то-есть, пишчалъ) и церковно-славянск. пишталъ, русск. пишу (то-есть, ишчу) и церковно-славянск. иштж, русск. ижжену (то-есть, ижжену) и церковно-славянск. ижденж, русск. возжелать (то-есть, воужжелать) и церковно-славянск. въждѣти и т. п. ¹⁾ Можно думать поэтому, что въ тѣхъ говорахъ, для которыхъ нужна была буква ѱ, она выражала тотъ звукъ, который эта буква выражаетъ въ русскомъ, то-есть, шш, вышедшее изъ шч (ш). Отмѣтимъ еще, что въ пользу выговора щ, отличнаго отъ шт, свидѣтельствуеетъ извѣстная молитва, въ которой порядокъ начальныхъ буквъ въ стихахъ есть порядокъ азбуки. Въ этой молитвѣ, напечатанной академикомъ Срезневскимъ по рукописи XII—XIII вѣка ²⁾, за стихомъ для буквы ш, начинающимся словомъ шестикрилатъ, слѣдуетъ стихъ для слѣдующей буквы щ, начинающейся словомъ шѣствоую. (Въ спискѣ Волоколамскомъ предъ стихомъ буква щ: шѣствіе твори послужу оучителю). Такимъ образомъ для щ взято слово, въ которомъ слышалось нѣбное ш (передъ ъ). Далѣе названіе буквы щ, на сколько можно судить по несовершенной передачѣ его греческими и латинскими буквами, доказываетъ отличный выговоръ щ отъ шт: въ азбукѣ, найденной Бандуричемъ въ одной изъ рукописей нарижскихъ XIII в., названіе буквы щ передано чрезъ одіа; такъ какъ ш передано чрезъ о (оаа), то одіа слѣдуетъ произносить штя или шча, а не шта.

Эти данныя, доказывающія, что щ не была простою графическою замѣною шт, а имѣла свое особое произношеніе, дозволяютъ намъ искать прототипа для буквы ѱ въ томъ же источникѣ, изъ котораго мы пытаемся вывести остальные добавленныя буквы. Дѣйствительно, въ авестійской азбукѣ есть буква, представляющая почти такое же графическое видоизмѣненіе сравнительно съ š, какое представляетъ ѱ по отношенію къ ш, и произносившаяся, нѣроятно, близко къ нашему щ: эта авестійская буква представляегъ ш, къ которому сбоку слѣва прибавленъ хвостикъ, нѣсколько загнутый влѣво (см. табл. № II).

По формѣ своей эта буква напоминаетъ наше современное курсивное ш. Она встрѣчается въ рукописяхъ только передъ і и і и изобра-

¹⁾ См. *Будилонича*, Начертаніе церковно-славянской грамматики. 1883, стр. 112.

²⁾ См. *Срезневскаго*, Древніе глаголическіе памятники etc. 1868, стр. 23 и слѣд.

жаеть небный спираптъ, звучавшій, по всей вѣроятности, какъ ш¹). Этимологически этотъ авестійскій звукъ, выражаемый Бартоломеемъ буквою *š*, соответствуетъ въ обоихъ словахъ, гдѣ онъ встрѣчается—*šjaodna* и *šjaomam* древне-индійскому *ś* (ч² русск.); что же касается его начертанія, то оно, по мнѣнію того же ученаго, составлено изъ *s+i* (русск. ш+i). вмѣсто этого начертанія въ рукописяхъ перѣдко употребляется лигатура изъ *s+k* (русск. ш+k); такъ, напимѣръ, вмѣсто вышеприведеннаго слова *šjaodna* пишется и *škaodna* (сравни *ицѣл* изъ *ицѣлѣ*); по часто является и правильно *s*. Перѣдко эта буква смѣшивается въ употребленіи съ другою (см. табл. № II, буквы въ скобкахъ), выражающею звукъ ш съ какимъ-то отгѣнкомъ³); но все же Парсамъ было извѣстно, что настоящее мѣсто буквы *s* (ш, щ) только передъ *i*, такъ какъ въ одной авестійской, еще не издавшой азбукѣ (хранящейся въ Мюнхенской библіотекѣ) находимъ шипящія въ такомъ порядкѣ: *sa ša šja*, при чемъ, по мнѣнію Бартоломея, буква *i* послѣ *s* должна обозначать, что *s* можетъ стоять только передъ *i*. Мы думаемъ, что въ этомъ же можно видѣть прямое указаніе на произношеніе авестійской буквы, которая едва ли могла звучать иначе чѣмъ мульированное нѣбное ш, то-есть, щ. Сравнивая авестійскую букву съ славянскою, мы видимъ, что наше щ съ боковымъ хвостикомъ ближе къ ней, нежели карилловское џ. Это вызываетъ вопросъ, почему характеристическая боковая черточка предполагаемаго прототипа славянской буквы была перенесена подъ средній штабъ, ради ли симметріи или ради того, что получившаяся такимъ образомъ фигура буквы напомнила лигатуру изъ ш+т и стала удобна для тѣхъ говоровъ, въ которыхъ вмѣсто щ слышалось шт. Рѣшить этотъ вопросъ мы не умѣемъ; но обращаемъ вниманіе на то, что рядомъ съ глаголическимъ щ, въ которомъ нижній кружечекъ помѣщается подъ среднимъ штабомъ, употреблялось иногда такое начертаніе щ, въ которомъ два первые штаба соединены внизу, подъ чертою, какъ бы скобочкой; см. у Срезневскаго снимокъ изъ Охридскаго Евангелія 2-я строка.

3) Кирилловская *Ѵ* (ч) есть несомнѣнно авестійская буква, выражающая тотъ же звукъ (см. таблица № II). При перемѣнѣ направленія письма нижній прямой штабъ очутился направо и, вѣроятно, ради

¹) См. *Bartholomae*, Beiträge zur altiranischen Grammatik въ *Beiträge zur Kunde der Indogerman. Sprachen* VII p. 192.

²) См. о. с. p. 191, u ejusdem—Handbuch der Altiranischen Dialekte 1883 p. 9.

симметріи (какъ, можетъ быть, въ Ц) сталъ ставиться подъ серединой верхняго полукруга; но наше курсивное ч ближе къ авестійскому, нежели ц.-славянское. Такую же бѣльшую близость славянскихъ курсивныхъ буквъ къ авестійскимъ можно указать и на другихъ примѣрахъ.

4) Буква ц напоминаетъ весьма близко авестійскую (см. табл. II), которая произносилась, впрочемъ, не какъ ц, а какъ дж, итал. *gi*, звука же ц вовсе не было въ авест. языкѣ. Итъ сомнѣніи, что авестійское начертаніе развилось изъ того же типа, къ которому восходитъ евр. цада, произносившееся какъ ц, и можно легко предположить, какъ при ш, что составитель кириллицы прямо заимствовалъ еврейскую букву. Но намъ все-таки, на основаніи дальнѣйшихъ соображеній, кажется вѣроятнѣе, что эта буква (заимствовава ли она изъ еврейскаго или авестійскаго алфавита) была въ употребленіи у Славянъ ранѣе устройства правильной азбуки. Аналогію тому, что буква, выражавшая звукъ дж, могла быть утилизирована для звука ц, представляетъ сербская буква для дж, видоизмѣнившаяся изъ ц такимъ образомъ, что боковая черточка подвинута влѣво. Сербская буква употреблялась уже въ XVII в. (а можетъ быть, и раньше).

5) За этими четырьмя буквами, которыя въ кириллицѣ идутъ въ порядкѣ ц, ч, ш, щ, а въ глаголицѣ въ порядкѣ ш, ц, ч, ш, слѣдуютъ добавочныя гласныя, начиная съ ъ. Эта буква, имѣющая по рукописямъ различныя формы (см табл. № II 2-ю, 3-ю и 4-ю формы ъ), можетъ быть сопоставлена съ авестійскою, выражающею звукъ о закрытый. Начертаніе болѣе близкое къ ъ, употребляется въ рукописяхъ какъ вторая часть дифтонга ао, при чемъ звукъ о вышелъ изъ древняго и (у). Отсюда видно, что онъ нѣкогда произносился какъ краткое глухое о, склонявшееся къ ц, то-есть, также какъ ц.-слав. ѡ. Этимологически авестійское о также восходитъ къ а, какъ ц.-слав. ѡ. Въ началѣ словъ о почти не встрѣчается, а напротивъ есть самый излюбленный звукъ въ концѣ: здѣсь онъ смѣнялъ въ языкѣ Авесты индо-иранскій конечный слогъ аs, напримѣръ, авест. *daevo*, ц.-слав. дивъ, *dasino*—дъсьвъ и т. д.

6) Что касается буквы ѣ, то опять можно сдѣлать наблюдение, что къ авестійской соотвѣтствующей буквѣ ближе наше курсивное ѣ, нежели церк.-слав. уставное. Впрочемъ, древность нашего курсивнаго ѣ засвидѣтельствована, напримѣръ, такимъ памятникомъ, какъ Святославовъ Изборникъ 1073 г., въ которомъ рядомъ съ ѣ встрѣчается форма, напоминающая йотированное ь (см. таблицу № II**): въ

другихъ рукописяхъ встрѣчаются и формы переходныя (см. тамъ же 3-ю форму ѳ). Мы далеко не компетентны въ палеографіи, но все же рѣшаемся предположить, что форма ѳ вышла изъ формы, употребляющейся въ Изборникѣ Святослава, какъ ея упрощеніе, а не на оборотъ, и думаемъ, что при сближеніи ѳ съ авестійскою буквою, мы имѣемъ право исходить изъ начертанія ѳ въ Святославовомъ Сборникѣ. Соответствующее авестійское начертаніе (см. табл. № II) выражаетъ звукъ е. Весьма обычна также форма этой буквы съ продолженіемъ лѣваго штаба внизъ (см. тамъ же 2-ю форму). Быть можетъ, говоритъ Шпигель,—оба начертанія первоначально различались такъ, что е съ хвостомъ внизъ употреблялось исключительно, какъ вторая часть дифтонга ае, и можетъ быть также, на концѣ словъ—для выраженія ѳ, вышедшаго изъ аі; но въ нашихъ рукописяхъ нельзя провести такого различія; въ нихъ дифтонгъ ае пишется равно часто съ е обоихъ видовъ, и на концѣ словъ лучшія рукописи употребляютъ е первое, все равно, восходятъ ли оно къ ау или ја ¹⁾). Произносится несомнѣнно какъ е (хотя точный оттѣнокъ не совсѣмъ ясенъ), авестійское е, по словамъ Шпигеля, стояло въ близкомъ отношеніи къ і: это видно изъ того, что оно выходитъ изъ а, если этому а предшествуетъ у или въ слѣдующемъ слогѣ стоятъ і или у: изъ *уаді вышло уе-і di, изъ уадріа вышло уеспіа ²⁾). Что касается происхожденія авестійской буквы, то предполагаютъ, что она вышла изъ лигатуры а+і.

7) Происхожденіе кирилловскаго начертанія большого юса также довольно легко объясняется изъ авестійской лигатуры, состоящей изъ а и п. Въ рукописяхъ встрѣчается нѣсколько формъ носоваго а (ā) (см. таблицу II буквы подъ цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6), которыя, если всмотрѣться въ нихъ и принять въ соображеніе различіе между курсивомъ и уставомъ, состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ сложена фигура юса: верхняя развилка юса соответствуетъ авестійской а, а три нижніе штабы—хвосту отъ а и подписанной подъ а буквы п (в); всего яснѣе это на типахъ 2, 3, 4, 6. Нужно только замѣтить, что все начертаніе, на примѣръ, 2-го типа выпрямлено, чтобы подойти подъ характеръ греческихъ унциалъ, и что верхняя развилка (а) передвинута лѣвѣе, такъ что помѣстилась симметрично надъ вершиной нижней фигуры, состоящей изъ двухъ сходящихся острымъ угломъ линий и изъ средняго штаба.

¹⁾ Spiegel, Vergl. Grammatik der Alteranisch. Sprachen p. 46.

²⁾ Ibid. p. 47.

Что касается звуковаго значенія, то авестійское *ā* (а носовое) вполне соответствуетъ ж. Шпигель замѣчаетъ ¹⁾, что эта буква выражаетъ слогъ *ap*, въ которомъ *p*, исчезнувъ, окрасило въ носовой предшествующій гласный: такъ пишется *šāpga*—санскр. *śantga*. Но *ā* произносилось вѣроятно и какъ *ō* (носовое *o*), склонявшееся къ *ū* (*u*). Это видно изъ того, что даже въ лучшихъ рукописяхъ перѣдко буква *ā* смѣняется буквой *ū* или *u*, напримѣръ, *θrāspānām* и *θrīspānām*, *dadaḡām* и *dadḡim*, *havañhodām* и *havañhodum* ²⁾. Нечего и говорить, какъ близко эта диалектическая черта въ языкѣ Авесты напоминаетъ соотвѣтствіе церковно-славянскаго *ѣ* русскому *у*.

Чтобы покончить съ добавочными гласными остается объяснить происхожденіе *ь* и малаго юса *а*, такъ какъ прочіе—*ы*, *ю* *ѣ*, *ѣ*—не пуждаются въ объясненіи. Буквы для *ь* нѣтъ соотвѣтствія въ авестійской азбукѣ: можно думать, что эта буква видоизмѣненіе *ъ*-ра. Такое отношеніе ея къ *ъ*-ру, довольно наглядное въ кириллицѣ, совершенно очевидно изъ глаголицы (см. таблицу № I). Вѣроятно, въ древнѣйшемъ составѣ славянскаго азбуки не было особенной буквы для *ся*, и она внесена послѣдующими исправленіями.

Малый юсъ *а* едва ли есть видоизмѣненіе большаго: на его сходство съ глаголическою буквой для *ѣ* и, съ другой стороны, съ греческимъ числовымъ знакомъ *σαπρ*, обозначающимъ 900, какъ и *а* въ кириллицѣ, было не разъ указываемо. Очевидно также соотношеніе между *а* кирилловскимъ и глагольскимъ, который еще болѣе напоминаетъ обращенную въ другую сторону *σαπρ*. Для насъ вопросъ о происхожденіи *а* неясенъ, но мы склонны думать, что въ древнѣйшей славянскаго азбукѣ, послужившей основою для кириллицы, этой буквы не было, и что она была введена устройтелемъ письменъ.

8) Остальные три добавленныя буквы вставлены на соотвѣтствующія мѣста въ началѣ азбуки.

Буква для *ж* также напоминаетъ *ш*, какъ соотвѣтствующая авестійская *ž* восходитъ къ *š* (*ш*), при чемъ снова можно отмѣтить, что авестійская буква болѣе напоминаетъ наше курсивное *ж*, нежели уставное (см. табл. № II). Звукъ, выражаемый этою буквой въ языкѣ Авесты, происходитъ либо изъ *ǰ* (*дж*), либо изъ *š*, если оно становится звонкимъ, напримѣръ: *žnu*—колѣно, *žnataḡ*—знатокъ, *darežnvanṭi* отъ *dareš*; это замѣчаемъ мы потому, что, кромѣ этого,

¹⁾ Spiegel O. c. p. 52.

²⁾ Ibid. p. 93.

въ языкѣ Авесты есть другой ж (см. табл. № II форму въ скобкахъ) ¹⁾. Буква для ж первая встрѣчается исключительно въ рукописяхъ, писанныхъ въ Индіи, и принимается за у; по Лепсіусъ, а за нимъ Гюбшманнъ, весьма правдоподобно доказываютъ, что это начертаніе произносилось какъ ж. Впрочемъ, и обычное авестійское ж (буква въ скобкахъ на табл. № II) могло бы быть оригиналомъ славянской буквы: сходство между имъ и глаголическою ж довольно большое, а глаголическую букву нельзя отдѣлять отъ кирилловской.

9) Буква зѣло *z* черта въ черту совпадаетъ съ авестійскимъ *z*; нѣкоторымъ затрудненіемъ при возведеніи зѣла къ авестійской буквѣ для *z* могло бы быть лишь то, что, по догадкѣ славистовъ, *z* произносилось нѣкогда какъ *dz*, а не какъ *z*, и только впоследствии совпало съ *z* въ произношеніи. Въ виду этого можно было бы допустить, что устроитель славянской азбуки, введя для звука *z* греческую *z*, сохранилъ также раньше употреблявшуюся для *z* у Славянъ восточную букву *z*, придавъ ей условное произношеніе *dz*. За исключеніемъ болгаро-македонскаго говора, въ другихъ славянскихъ говорахъ звукъ *dz* уже рано слился съ *z*, и буква *z* стала излишня. Во всякомъ случаѣ, выведение буквы *z* изъ латинскаго *s* или греческаго *z* встрѣчается въ виду несовпаденія въ звукѣ еще большія затрудненія, чѣмъ выведение ея изъ авестійскаго *z*.

Наконецъ, кирилловское *B* есть только разновидность греческой буквы *B* и не имѣетъ оригинала въ авестійской азбукѣ.

Здѣсь кстати поставитъ нашимъ палеографамъ вопросъ: откуда происходитъ курсивная форма нашего *z* (строчнаго), и какъ рано является она въ рукописяхъ? Этотъ вопросъ мы ставимъ въ виду весьма близкаго сходства нашего курсивнаго *z* съ авестійскою буквой, выражающею звукъ *γ*, то-есть, заднеязычный звонкій спирантъ (см. таблицу № II). Существованіе одной буквы *z* составляетъ, какъ извѣстно, недостатокъ славянской азбуки, такъ какъ въ славянскихъ языкахъ, кромѣ *г*, существовалъ и доселѣ существуетъ звукъ, выражаемый ново-греческимъ *γ*, и латиницей чрезъ *h*: напримѣръ, въ словахъ Бога, блаю, юсподь. Мы выше видѣли, что курсивныя (скорописныя) формы буквъ иногда сохраняютъ болѣе архаическій типъ, чѣмъ уставныя. Не сохранилъ ли и въ данномъ случаѣ курсивъ форму буквы *z*, какъ наслѣдіе глубокой старины, и не объясняется ли существованіе двухъ начертаній для *г* (*z* и *г*) тѣмъ, что нѣкогда они выражали два

¹⁾ Hübschmann, Iranische Studien, въ *Zeitschr. f. vergl. Spr.* XXIV p. 354.

отдѣльные звука (какъ з и з)? Вообще важно было бы знать происхождение тѣхъ буквъ нашей скорописи, которыя не могутъ объясняться изъ видоизмѣненія уставныхъ. Впрочемъ, слѣшимъ замѣтить, что и авестійская буква для *g* довольно близка къ кирилловскому скорописному *г* и отличается отъ него лишь тѣмъ, что какъ бы опрокинута навзничь.

Если вышеприведенныя сопоставленія сдѣлали нѣсколько вѣроятнымъ наше предположеніе о томъ, что добавочныя кирилловскія буквы, если не всѣ, то большею частью восходятъ къ авестійскимъ, то разсмотрѣніе расположенія буквъ въ азбукѣ, быть можетъ, возвыситъ правдоподобность нашей догадки.

Расположеніе буквъ въ извѣстномъ порядкѣ азбуки всегда является одновременно съ изобрѣтеніемъ письменъ. Первые двѣ, три и даже четыре буквы обыкновенно даютъ названіе азбукѣ; сравн. слова: азбука, alphabet, Abecedarium, арабское *abjad*; нрѣдко буквы получаютъ и цифровое значеніе, какъ было въ греческомъ, арабскомъ, славянскомъ и т. д. При этомъ каждая буква получаетъ свое названіе, и иногда изобрѣтатель азбуки, выбирая въ языкѣ для названій буквъ извѣстныя слова, начинающіяся тою или другою буквою, старается составить изъ этихъ словъ разумныя фразы (азъ буки вѣдѣ, глаголи добро и т. н.).

Въ виду этого, расположеніе буквъ въ томъ или иномъ порядкѣ имѣетъ значеніе въ вопросѣ о происхожденіи азбуки: обыкновенно устроители новыхъ письменъ сохраняютъ на сколько возможно то расположеніе, которое имѣютъ буквы въ азбукѣ-оригиналѣ, не задаваясь вопросомъ, на сколько такое расположеніе научно. Этимъ объясняется, что во всѣхъ азбукахъ, сводящихся въ послѣдней инстанціи къ фипикійской, мы находимъ такое же ненаучное смѣшеніе гласныхъ съ согласными, какъ въ этомъ прототипѣ большинства современныхъ и древнихъ европейско-азіатскихъ азбукъ.

Разсматривая расположеніе буквъ кириллицы, мы должны обратить вниманіе, конечно, лишь на порядокъ добавочныхъ буквъ, такъ какъ взятая съ греческаго буквы сохраняютъ порядокъ греческой азбуки. Только ради близости звуковъ изъ добавленныхъ буквъ *б* вставлено послѣ *А*, какъ въ латинской азбукѣ, *Ж* и *з* вставлены передъ *з* (земля). Остальныя добавленныя идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ послѣ *ω*: сначала согласныя въ кириллицѣ *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, въ глаголицѣ: *щ* *ц* *ч*, *ш*, а затѣмъ гласныя: *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ*, *ю*, *ж*, *ѣ*, *а*, *ѣ*, *ѣ*. Чѣмъ объяснить такой порядокъ? Почему къ конечной

гласной *ω* не были непосредственно прикрѣплены добавочныя гласныя? Почему гласныя расположены въ такомъ порядкѣ, какъ будто устроителемъ руководила мысль за краткою гласною ставить долгую, сравн. *ъ, ъ, ѣ, ѥ*? Не слѣдовалъ ли устроитель славянской азбуки въ этомъ какой-нибудь традиціи, не былъ ли онъ въ этомъ отношеніи подражателемъ?

Отвѣтъ можно найдти въ расположеніи буквъ въ авестійской азбукѣ.

Въ рукописяхъ зендскихъ найдено пять перечней авестійскихъ буквъ. Эти азбуки были предметомъ изслѣдованій профессоромъ Лепсіуса ¹⁾ и Шпигеля ²⁾, которые выяснили слѣдующія особенности авестійскихъ азбукъ. Расходясь въ деталяхъ, азбуки согласны въ главномъ принципѣ, въ отдѣленіи гласныхъ отъ согласныхъ, при чемъ согласныя предшествуютъ гласнымъ. Первые расположены слѣдующимъ образомъ: всѣ азбуки равно начинаются съ гортанныхъ, и именно съ буквы *г* или (№ 5) съ *γ*, то-есть, *g, γ, q, χ, k, h*; за ними слѣдуютъ *z, ž, ž* (дж), *š, s, š*, далѣе зубныя: *d, ḍ, d, t*, губныя *b, f, p, m, hm*, наконецъ *v, hv*; за этимъ слѣдуютъ гласныя. Въ расположеніи нѣкоторыхъ согласныхъ встрѣчаются варіаціи между азбуками № 1, 2, 3 и азбуками № 4 и 5. Замѣтимъ, что въ азбукѣ № 5 при переходѣ между согласными и гласными стоятъ буквы, изъ которыхъ мы выводимъ начертанія *ц, ч, щ*, именно *č, š, č*; а нѣсколько далѣе слѣдуютъ гласныя, при чемъ за каждою краткою слѣдуетъ соотвѣтствующая долгая: *e, ē, a, ā, i, ī, u, ū, o, ō, e, ē*, а потомъ носовая гласная *ā*, соотвѣтствующая кирилловскому *юсу*. Въ азбукѣ № 4 гласныя слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: *a, ā, i, ī, o, ō* (=ъ), *e, ē, u, ū, ā* (=ж) и въ концѣ *e, ē* (=ѣ). Соединяя порядокъ гласныхъ обѣихъ азбукъ, мы поймемъ, что устроитель славянскихъ письменъ старался сохранить расположеніе авестійской азбуки, на сколько это было возможно. Отнеся буквы *щ, ц, ч* приблизительно на то мѣсто, гдѣ онѣ стоятъ въ авестійской азбукѣ, то-есть, передъ гласными, онъ расположилъ добавочныя гласныя по парсійскому принципу, то-есть, за краткою поставилъ подходящую (по его мнѣнію) долгую, опустивъ, конечно, тѣ гласныя, которыя уже были раньше помѣщены по порядку греческаго алфавита, именно *а, е, и, і, о, у*. Такимъ образомъ получился рядъ *ъ, и, ѣ, ѥ*,

¹⁾ Das Ursprüngliche Zendalphabet.

²⁾ Vergl. Gramm. d. Alteran Spr. p. 13 и слѣд.

а за ними (за выпускомъ ю, котораго, вѣроятно, не было въ первоначальной редакціи, какъ и другихъ сложныхъ іотированныхъ буквъ іа, ѣа, ѡа) ¹⁾ большой юсъ ѣ. Почему малый юсъ (можетъ быть, добавленный впоследствии) слѣдуетъ за большимъ, а не на оборотъ, объясняется, можетъ быть, слѣдующею чертой авестійскихъ азбукъ № 1, 2 и 3. Послѣ буквы, соответствующей большому юсу, слѣдуютъ написанныя буквенно слоги um, im, и притомъ это повторяется двукратно, то-есть, = am. um, im, затѣмъ непонятное слово euoie (нариавты euoie, evoue), затѣмъ слова ā (или am) um, im, и этимъ оканчивается азбука.

Разсматривая другія техническія стороны славянской азбуки, мы рѣшаемся сдѣлать еще нѣсколько догадокъ, болѣе смѣлыхъ чѣмъ предыдущія, именно относительно славянскихъ названій для нѣкоторыхъ буквъ. Мы видимъ, что устроитель письменъ для большинства буквъ ввелъ названія осмысленныя, представляющія слова, и притомъ назидательнаго значенія. Эта назидательность кончается словами р рци, с слово, т тврдо, и быть можетъ, еще названіемъ буквы у—укъ—doctrina, какъ бы представляющимъ конечное заключеніе предыдущихъ назиданій ²⁾. Затѣмъ слѣдуютъ непонятныя названія: ф ръ тъ, х ѣ ръ (херъ, хуръ) далѣе, послѣ отъ (предлога), буква безъ названія ц, затѣмъ слово чръвь (червякъ?), далѣе буквы ш и щ безъ названій, далѣе непонятныя названія (едва ли слова) для љ, њ, ѣ и юсм. Отсюда видно, что устроитель азбуки не считалъ почему-то нужнымъ дать дополнительнымъ буквамъ осмысленныя названія, изъ которыхъ можно было бы составить фразы. Но помимо того, и для ф и х не введены понятныя слова, и названія этихъ буквъ звучатъ какъ-то странно, какъ-то не по славянски, такъ что является мысль, не сохранились ли въ этихъ названіяхъ имена иноземныхъ буквъ. Дѣйствительно, для объясненія

¹⁾ Для опредѣленія первоначальнаго числа славянскихъ буквъ важно указаніе Солунской легенды, приписывающей изобрѣтеніе ихъ непосредственно божественному откровенію: голубъ съ неба приноситъ Константину тридцать пять буквъ: видѣхъ голуба глаголюща, въ устѣхъ ношаше зборькъ... и врьше мнѣ изкрило, и прѣчтохъ ихъ, и обрѣтохъ всехъ ѿѢ. Это число получается, если откинуть буквы, ѡа, ѣа, іа, ѣ, ѡ, ѡ, или же, что вѣроятнѣе, прибавить глаголич. *djernъ* и откинуть ѡ. О наличности j въ древнѣйшей глаголицѣ см. *Сремисскій*, Древнѣе глаголическіе памятники, стр. 29.

²⁾ Срав. у *Миклошича* въ словарѣ подъ словомъ оукъ: „не оукомъ чловѣчскомъ, нъ божицѣмъ благодитноу очищаеи недуги“.

названія фрътъ было указываемо на имя готской руны для п (p) *pairtha*, англо-саксонск. *peord*¹⁾; можно указать еще на названіе армянской буквы *ր* *riur*, которое, впрочемъ, также темно, какъ *pairtha* и фертъ; но все это нисколько не объясняетъ, почему для названія буквы ф взято слово съ плавнымъ р. Хотя и съ рискомъ—ибо мы задѣваемъ темный вопросъ авестійской палеографіи—рѣшаемся указать на то, что авестійская буква для f можетъ быть объяснена, какъ лигатура изъ р (r) и г (g). (см. табл. № III). Такая лигатура, произносившаяся однако какъ f, могла бы быть объяснена фонетическимъ закономъ авестійскаго языка, по которому всякое древнее р (и) превращается въ f передъ слѣдующимъ г, такъ что для нагляднаго объясненія звука ф можно было удобно указать на то, что f есть р + г или р передъ г; дѣйствительно, почти всѣ слова, начинающіяся съ f, имѣютъ его въ группѣ fr, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ слова на f въ авестійскомъ словарѣ Юсти. Можетъ быть, и для названія буквы f употреблялась группа fr, изъ которой могло бы объясниться и армянское, и славянское, и быть можетъ, готское названіе для родственныхъ буквъ. Если у Персовъ, какъ у другихъ народовъ, употреблялись въ качествѣ названій буквъ слова, начинавшіяся съ известной буквы, то всего удобнѣе можно было выбрать названіемъ буквы f слово *friti* (благословеніе, молитва), которое могло бы быть искажено въ фрътъ.

Въ названіи хѣръ, очевидно не славянскомъ, уже по присутствію ѣ послѣ х, также по непонятной причинѣ, присутствуетъ плавный р. Опять можно отмѣтить, что по авестійской фонетикѣ всякій к передъ г переходить въ х, и что въ рукописяхъ изъ Кирмана буква *χ* нѣсколько отличается отъ *χ* въ индійскихъ рукописяхъ. На нашъ взглядъ кирманское *χ* (см. табл. № III) состоитъ также изъ k + g. при чемъ правый нижній крючекъ есть k, а верхній загибъ буква г.

Такимъ образомъ, если для начертанія *χ* служила лигатура k + g, то можетъ быть, слогъ *χg* или слово, имъ начинавшееся, служилъ для названія буквы х, а изъ этого *χg* могло произойти (черезъ заимствованіе) и славянское названіе хѣръ (или хыръ?).

Названіе еръ (у Малоруссовъ іоръ) совершенно темно. Шафарикъ и Ганушъ указываютъ на названіе германскихъ руны *Yr* или *Iog*, но ни въ начертаніи, ни въ звукѣ нѣтъ родства между ѣ и этими рунами. Цахеръ говоритъ, что руна *ug* обозначаетъ глухое г и въ

¹⁾ *Schafarik, Památky etc.* p. 9.

сѣверныхъ азбукахъ прибавляется къ исходу словъ ¹⁾, рума же юг совершенно темна.

Названіе буквы ѣ также темно: Шафарикъ гадательно указываетъ на армянскую букву յ Ե (e), которая и по виду нѣсколько напоминаетъ кирилловскій ѣ; можно съ такою же вѣроятностью указать на букву jeth, произносящуюся какъ ѣ. Армянскія названія также темны и, конечно, заимствованы, хотя, быть можетъ, никогда не удастся найти источника. Напомнимъ, что Фр. Мюллеръ старается доказать сассанидскую основу месроповскихъ письменъ; если это основательно, то могло бы объяснить сходство въ названіяхъ вышеприведенныхъ армянскихъ буквъ съ славянскимъ ѣ.

Все это, конечно, гадательно и поднимаетъ рядъ другихъ вопросовъ также по авестійской и армянской азбукѣ.

Наконецъ, напомнимъ, что всѣ авестійскія азбуки начинаются буквой г, и въ виду того факта, что въ названіе азбуки входятъ первыя буквы, авестійская азбука по справедливости могла бы назваться глаголицей, такъ какъ начинается глаголю. Но почему по имени четвертой буквы названа одна изъ славянскихъ азбукъ? Не потому ли, что нѣкогда Славянамъ была извѣстна азбука, начинавшаяся съ г, и затѣмъ это названіе, обобщившееся до понятія азбуки вообще, было перенесено на новоизобрѣтенную?

Но оставляя пока въ сторонѣ всѣ эти домыслы, мы можемъ поставить вопросъ: какіе можно сдѣлать выводы по отношенію къ изобрѣтателямъ обѣихъ славянскихъ азбукъ изъ вышеприведенныхъ соображеній о сассанидскомъ происхожденіи добавленныхъ буквъ?

Мы уже выше сдѣлали сравненіе кирилловскихъ буквъ съ глагольскими и пришли къ нѣкоторымъ выводамъ. Но слѣдуетъ снова вернуться къ этому сличенію, приложивъ къ нему вышеприведенныя соображенія о сассанидскомъ происхожденіи добавленныхъ буквъ, и сличить между собою эти буквы въ глаголицѣ и кириллицѣ. Такое частное сличеніе приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ относительно отдѣльныхъ буквъ:

- 1) Буква ш одинакова въ обѣихъ азбукахъ.
- 2) Глаголическая буква щ есть видоизмѣненіе кирилловской, съ явнымъ желаніемъ пріукрасить послѣднюю.
- 3) То же относится вполне къ глаголической буквѣ ч, въ которой отвѣсный кирилловскій штабъ замѣненъ любимымъ кружечкомъ.

¹⁾ Zacher, о. с., р. 20.

4) Глаголич. њ есть украшенный кирилловскій ѡ, при чемъ верхній крючекъ былъ загнутъ окончательно, такъ что составилъ кружокъ, который помѣстился правильно надъ нижнимъ. Вслѣдствіе того получилась фигура, напоминающая цифру 8. Небольшой кружечекъ съ лѣвой стороны, можетъ быть, появился тогда, когда явилось желаніе различить ѡ отъ ѡ.

5) Глаголическій малый юсъ есть, кажется, опрокинутый на бокъ и округленный кирилловскій, съ прибавкой на лѣвой сторонѣ кружечка (какъ въ глаголическомъ ѡ). Напомнимъ, что тотъ же приемъ опрокидыванія или обращенія въ другую сторону замѣтенъ и въ другихъ глаголическихъ буквахъ: (сравни глаголическія и кирилловскія ѣ и р).

6) Отношеніе между глаголическимъ и кирилловскимъ большимъ юсомъ не совѣмъ ясно, хотя несомнѣнно, что архаизмъ на сторонѣ кирилловскаго. Глаголическій большой юсъ состоитъ либо изъ о+малый юсъ, при чемъ изобрѣтатель употребилъ фигуру малаго юса какъ знакъ носоваго произношенія предшествующаго о; либо вся фигура глаголическаго большаго юса произошла изъ опрокинутаго на лѣвый бокъ и стилизованнаго во вкусъ прочихъ буквъ большаго кирилловскаго юса, при чемъ верхняя развилка получила обычные кружечки и такимъ образомъ случайно совпала по формѣ съ глаголическимъ о. Намъ кажется правдоподобнѣе первое предположеніе, то-есть, сложеніе глаголическаго ѡ изъ о+ѡ въ виду того, что подобно сложеніе глаголическаго ѡ изъ буквы е и малаго юса весьма наглядно. Если это такъ, то въ глаголическихъ начертаніяхъ большаго и малаго (іотированнаго) юса проглядываетъ осмысленность, желаніе изобрѣтателя-филолога указать въ самомъ рисункѣ буквъ, что первая есть носовое о, вторая — носовое е. Составъ глаголическаго большаго іотированнаго юса для насъ неясенъ, именно въ первой части: она напоминаетъ глаголическое зѣло, обращенное внизъ головой, но при чемъ тутъ звукъ з (или дз)? Шафарикъ ¹⁾ замѣчаетъ, что большой іотированный юсъ въ первой глаголической вставкѣ въ Апостолѣ Охридскомъ у Григоровича пишется нѣсколько иначе, такъ что первая часть похожа на глаголическое с. Дѣйствительно, судя по снимкамъ, приложеннымъ Срезневскимъ къ его изслѣдованію: Древніе глаголическіе памятники, можно придти къ заключенію, что печатная болгарская

¹⁾ Památky, p. 15.

глаголическая буква не совсѣмъ точно выражаетъ фигуру большого іотированнаго юса, который въ Ватиканскомъ Евангеліи имѣетъ нѣсколько иной видъ (см. табл. № I), при чемъ первая часть сложенія не напоминаетъ намъ никакой другой глаголической буквы, изъ которой можно было бы ее объяснить. Не пытаюсь разгадать эту загадку, можно только предположить, что большой іотированный глаголическій юсъ есть лигатура, сложенная изобрѣтателемъ по нѣкоторой (хотя намъ и неизвѣстной) идеѣ, и если родство этой фигуры съ кирилловскою и неясно, то во всякомъ случаѣ глаголическая буква не архаичнѣе кирилловской, слѣдовательно, не могла послужить послѣдней оригиналомъ.

7) Глаголическій ѣ не имѣетъ ничего общаго съ кирилловскимъ. Онъ долженъ былъ быть изобрѣтенъ для такого славянскаго говора, въ которомъ произносился сходно съ я, ибо въ глаголицѣ оба звука имѣютъ лишь одну букву. Такъ какъ мы выше видѣли, что кирилловская буква ѣ восходитъ къ авестійской, звучавшей какъ е съ извѣстнымъ отгѣнкомъ, то не мудрено, если между кирилловскимъ и глаголическимъ ѣ нѣтъ сходства въ формѣ, такъ какъ звуки, выражаемые той и другой буквой, различны.

8) Глаголическое ж восходитъ къ кирилловскому, но по виду, къ такой не дошедшей до насъ формѣ, въ которой между боковыми развилками не было отвѣснаго средняго штаба: въ глаголическомъ находимъ опять излюбленные ея составители кружечки.

9) Глаголическое зѣло не представляетъ никакого сходства съ кирилловскимъ и затруднительно для объясненія. Намъ сдается, что оно перевернутое внизъ и нѣсколько видоизмѣненное глаголическое ч, при чемъ составителемъ азбуки, можетъ быть, руководило нѣкоторое сходство въ звукахъ ч (tʃ) и dz; впрочемъ, можетъ быть, мы ошибаемся.

10) Между глаголическимъ и кирилловскимъ ц есть какое-то отношеніе, но неясное. Во всякомъ случаѣ, не глаголическое ц послужило оригиналомъ для кирилловскаго, а скорѣе на оборотъ: можетъ быть, кирилловокая буква была обращена въ другую сторону, а нижняя черточка замѣнена излюбленнымъ кружечкомъ.

11) Наконецъ, глаголическій б не имѣетъ никакого отношенія къ кирилловскому. Онъ несомнѣнно вновь изобрѣтенъ, и потому его происхожденіе едва ли можетъ быть выяснено. Тэйлоръ выводитъ эту букву изъ греческой курсивной β, что для насъ сомнительно; скорѣе можно видѣть въ ней сходство съ армянскою буквою, обозначающей и (русс.).

Резюмируя эти сопоставленія добавочныхъ буквъ, мы выводимъ заключеніе, что, во первыхъ, устроитель кириллицы не былъ упрощителемъ глаголицы; во вторыхъ, составитель глаголицы зналъ кириллицу и слѣдовалъ нерѣдко ея начертаніямъ, стараясь только ихъ разукрасить (сравните въ обѣихъ азбукахъ ж, ч, щ, ъ), или осмыслить (сравните ж, ѡ); втретьихъ, что кирилловскія дополнительные буквы, именно тѣ, которыя послужили оригиналомъ для глаголическихъ, eo ipso древнѣе глаголическихъ.

Спрашивается теперь: можно ли согласовать эти выводы съ господствующими мнѣніями о личностяхъ, изобрѣвшихъ ту и другую азбуку?

Мы видѣли, что А. А. Котляревскій считаетъ вѣроятнымъ мнѣніе, что изобрѣтателемъ глаголицы былъ святой Кириллъ Солунскій, а изобрѣтателемъ кириллицы—его ученикъ Климентъ, епископъ Величскій. Это мнѣніе, выставленное и развитое Шафарикомъ, принимаютъ Мяклошичъ, Рачкій. Академикъ Срезневскій не высказывался такъ рѣшительно о томъ, что Кириллъ изобрѣлъ не кириллицу, а глаголицу, но и изъ его статьи въ Трудахъ 1-го Археологическаго съѣзда (1871, стр. СХV—СХХII) Котляревскій счелъ возможнымъ вывести косвенный аргументъ въ пользу изобрѣтенія Кирилломъ глаголицы. Дѣло въ томъ, что „если Константинъ Философъ изобрѣлъ кириллицу, то, какъ сынъ своего времени, онъ долженъ былъ для греческихъ начертаній ея усвоить тотъ образъ писанія, который въ его время, то-есть, въ IX вѣкѣ, господствовалъ у Грековъ. А между тѣмъ начертанія древнѣйшихъ славянскихъ рукописей существенно иныя, чѣмъ греческихъ IX—X вѣка. Славянскія начертанія древнѣе греческихъ, ибо у Грековъ господствуетъ уже скоропись, а у Славянъ уставъ, если же есть скоропись, то совѣтъ иного, а не греческаго характера“. . . Это „приводитъ къ мысли, что если не въ VI, то въ VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка“.

Обычныя доказательства въ пользу того, что Константинъ былъ изобрѣтателемъ глаголицы, состоятъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ:

1. Азбука, составленная Константиномъ, казалась новою, вновь изобрѣтенною, между тѣмъ, какъ едва ли можно считать таковую азбуку, состоящую большею частью изъ греческихъ буквъ (какова кириллица). Латинское духовенство осуждало письма Константина ради ихъ повизны, называя ихъ явческими; еслибъ азбука со-

стояла изъ письменъ, большею частью греческихъ, затѣмъ латинскихъ (б) ¹⁾ и еврейскихъ (ц, ш), то едва ли обвиненія были бы умѣстны. Константинъ въ защиту своихъ письменъ не смылся, по видимому, на то, что они не новы, а въ сущности стары.

2. Въ греческой легендѣ о св. Климентѣ говорится, что онъ изобрѣлъ также другія начертанія письменъ, болѣе ясныя нежели тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ. Это свидѣтельство слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что Климентъ замѣнилъ вычурныя и сложныя глаголическія письмена болѣе простыми, то-есть, тѣми, которыя мы называемъ кирилловскими.

3. Названіе кириллица было прилагаяемо именно къ глаголической азбукѣ; это видно изъ Новгородской рукописи пророковъ, представляющей списокъ съ рукописи Упия Дихаго 1047 г. Списокъ Упия былъ сдѣланъ съ глаголическаго, какъ видно по нѣкоторымъ признакамъ, а между тѣмъ въ послѣсловіи Упирь благодаритъ Господа „яко съподоби мя написати книги си ис курилоцѣ“.

Мы не станемъ излагать другія доказательства, приводимыя Шафарикомъ, Миклошичемъ и Рачкимъ, и разбирать доводы тѣхъ, которые придерживаются до сихъ поръ того мнѣнія, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ кириллицы, а не глаголицы, и что глаголица есть искаженіе (хотя и очень древнее) кириллицы, произведенное по неизвѣстнымъ, быть можетъ, сектаторскимъ побужденіямъ ²⁾. Разборъ литературы по этому вопросу вывелъ бы насъ далеко изъ поставленныхъ нами себѣ рамокъ. Мы должны только признаться, что и намъ мнѣніе Шафарика кажется болѣе правдоподобнымъ, нежели противоположное, хотя мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что кирилловскія добавленныя буквы представляютъ упрощеніе глаголическихъ. Изъ разсмотрѣнія глаголическихъ начертаній видно, что авторъ ихъ былъ изобрѣтатель, а такая роль вполне приличествовала св. Кириллу, философу, знакомому съ нѣсколькими языками. Азбука же, которую мы привыкли называть кириллицей, вовсе не дѣло одного изобрѣтателя, а представляетъ только устройство, усовершенствованіе письменъ, которыя, такъ-сказать, сами завелись у Славянъ вслѣдствіе практическихъ потребностей. Роль Кирилла и Климента представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: Кириллъ изобрѣлъ глаголицу, то-есть, придумалъ начертанія для славянскихъ звуковъ.

¹⁾ Такъ думаетъ Шафарикъ.

²⁾ Будиловичъ, Начертаніе, стр. 56.

но уже имѣлъ подѣ руками образецъ, прототипъ будущей кириллицы, изъ котораго онъ заимствовалъ нѣкоторыя буквы, измѣнилъ ихъ въ деталяхъ, порядокъ буквъ и ихъ число. Составленная имъ азбука однако оказалась непрактична: фигуры были слишкомъ сложны и трудны, и хотя уже не мало рукописей было написано этою азбукой, однако она не могла вытѣснить прежнюю, хотя и несовершенную. И вотъ уже ученикъ св. Кирилла, Климентъ, возвращается къ прежней азбукѣ, но предварительно устроивъ ее на новый ладъ, усовершенствовавъ ее по образцу глаголицы. Такимъ путемъ возникла новая кириллица, которою стали переписывать глаголическія рукописи. Нерѣдко глаголическія рукописи ссываются, и на томъ же матеріалѣ пишутъ кириллицей. Этимъ объясняется обиліе палимпсестовъ, на которые указываютъ слависты. Мало по малу глаголическія буквы приходятъ въ забвеніе (кромѣ Македоніи и Хорватіи) и являются, какъ архаизмы, украшеніемъ среди кирилловскихъ ¹⁾).

Намъ однако могутъ возразить, что нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того, что Константинъ, избравъ глаголицу, имѣлъ подѣ руками уже образецъ славянской азбуки, которымъ пренебрегъ, желая быти изобрѣтателемъ. Дѣйствительно, на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, но это намъ представляется правдоподобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Составить полную азбуку для какого-нибудь языка, никогда не имѣвшаго письменъ, — дѣло очень трудное. Трудность заключается не въ томъ, чтобы придумать ту или другую форму для буквъ, а въ опредѣленіи числа звуковъ въ языкѣ. Константинъ могъ съ малыхъ лѣтъ говорить по славянски и все же не знать числа славянскихъ звуковъ. Да будетъ намъ дозволено сослаться на собственные наблюденія: у насъ есть знакомый Балкарецъ, знающій русскій языкъ, знакомый съ нѣмецкимъ и французскимъ; задумавъ, по нашему совѣту, составить азбуку для родного языка, онъ трудился не мало, чтобы опредѣлить число звуковъ, хотя его языкъ далеко не изъ богатыхъ по согласнымъ и гласнымъ, такъ какъ принадлежитъ къ урало-алтайскимъ. Намъ лично удалось вывести все число звуковъ осетинскаго языка только на мѣстѣ, среди туземцевъ, хотя мы уже имѣли грамматику Шегрена, который установилъ осетинскую азбуку еще въ 40-хъ годахъ. Думаемъ, что и для Грека,

¹⁾ См. глаголическія буквы въ Сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры XIV вѣка, Толкованіе Псалтири (Евген.). Имп. Публ. Вибл. XI в., въ XIV словахъ Григорія Богослова XI в., въ сборникѣ поученій XII вѣка, и мног. др.

не имѣннаго въ родномъ языкѣ цѣлаго ряда славянскихъ звуковъ (б, щ, ш, ц, ч, ъ, ѝ, ж, ь, ѱ, ѿ, ѣ, ѿ), вопросъ о числѣ всѣхъ звуковъ славянскаго языка былъ весьма труденъ, и конечно, этотъ Грекъ могъ бы получить не малую помощь, еслибы до него у Славянъ были хоть какія-нибудь, даже несовершенныя, письмена. Но были ли у Славянъ такія письмена? Черноризецъ Храбръ на это отвѣчаетъ, что были: крѣстивше же са римскими и грѣчьскими писмены нждаахся словенски рѣчь безъ оустроениа... и тако бѣшж многа лѣта. Если мы вѣримъ Храбру, что греческими письменами пользовались Славяне много лѣтъ, то не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что въ теченіе этихъ многихъ лѣтъ сложилась уже традиція, и быть можетъ, уже были попытки дополнить греческія письмена иными, для выраженія славянскихъ звуковъ. Вѣдь греческими письменами писали крещеные Славяне, въ числѣ которыхъ могли быть просвѣщенные и ревностные христіане. Неужели у нихъ трудно допустить попытки написать по славянски какую-нибудь молитву или что-нибудь иное? Но стоитъ лишь попробовать написать какую-нибудь связную славянскую рѣчь одними греческими буквами, чтобъ убѣдиться, что это не возможно. Стоитъ припомнить только, какой видъ получаютъ отдѣльныя славянскія слова, всего чаще имена собственныя, въ передачѣ ихъ греческими буквами у византійскихъ писателей.

2. Другое указаніе на употребленіе Славянами греческихъ буквъ раньше IX вѣка, можно видѣть въ томъ, что формы буквъ такъ-называемой кириллицы совпадаютъ съ греческимъ уставомъ VII вѣка, на что указалъ академикъ Срезневскій. Не будучи достаточно знакомы съ палеографіей, мы не можемъ имѣть своего мнѣнія въ этомъ вопросѣ.

3. Въ Папнопскихъ житіяхъ, какъ извѣстно, есть любопытное свидѣтельство о какихъ-то русскихъ письменахъ, найденныхъ Константиномъ въ Корсуни, которыми были написаны евангеліе и псалтырь: „обрѣте же ту евангеліе и псалтырь руськими письмены писано, и человека обрѣте глаголюща тоу бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи примъ своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена гласнаа и согласнаа и къ Богу молитву творя, вскорѣ начать чести и сказати и мнози ся ему дивляху“. Мы не видимъ основанія считать это мѣсто позднѣйшею вставкой, какъ это дѣлаетъ Бодянский ¹⁾, потому что не усматриваемъ разумнаго мотива для подобной стран-

¹⁾ О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 101.

ной вставки. Не думаемъ также, чтобы подъ челоуѣкомъ, говорившимъ „русскою бесѣдою“, можно разумѣть Варяга-Норманна, ибо такая бесѣда между Грекомъ и Норманномъ на скандинавскомъ языкѣ не могла бы состояться. Скорѣе можно было бы допустить, что Евангеліе и Псалтырь были на языкѣ (таврическихъ) Готовъ, но съ челоуѣкомъ, говорившимъ на готскомъ языкѣ, Кириллъ могъ также мало бесѣдовать, какъ и съ Норманномъ. Всего проще видѣть въ Русскомъ IX вѣка Славянина изъ Руси, жившаго, какъ, вѣроятно, многіе другіе русскіе Славяне, въ Корсуни. Съ нимъ Кириллъ, знавшій славянскій языкъ солунскихъ Славянъ, дѣйствительно могъ сносно разговаривать по близости обоихъ славянскихъ нарѣчій, и этотъ фактъ, удавившій Корсунцевъ, въ сущности не заключалъ ничего удивительнаго. Но это свидѣтельство сообщаетъ не только о бесѣдѣ, но и о существованіи русскихъ письменъ и перевода Евангелія и Псалтыри на русскій языкъ. Какія же могли быть это письмена? Опять всего проще допустить, что это были тѣ же греческія, которыми Славяне много лѣтъ нуждахуся, принявъ крещеніе. Едва ли кто-нибудь станетъ отрицать возможность того, что въ греческомъ городѣ Корсуни могли жить Славяне-христіане, вѣроятно, русскаго происхожденія, гораздо раньше официальнаго принятія христіанства Владиміромъ. Если это такъ, то не трудно допустить, что у этихъ русскихъ христіанъ, вкусившихъ греческой культуры, могли явиться попытки переложенія Евангелія и Псалтыри на русскій языкъ, при чемъ уже до нѣкоторой степени была выработана славянская азбука, прототипъ будущей кириллицы. Здѣсь именно, въ Корсунѣ, гдѣ греческая культура сталкивалась съ восточною, хазарскою, могли выработаться письмена, смѣшанныя изъ греческихъ и восточныхъ (сассанидскихъ), которыя мы видимъ въ составѣ кириллицы. Приладившись къ языку Русскаго Славянина — силу рѣчи примъ — Константинъ началъ къ своей (солунской) рѣчи примѣнять найденныя письмена гласныя и согласныя (своей бесѣдѣ прикладая письмена) и вскорѣ началъ, на удивленіе многимъ, читать русскія письмена и говорить на этомъ нарѣчій. Все это очень естественно и не представляетъ чуда. Но для Константина такое знакомство съ письменами Русскихъ Славянъ было огромнымъ подспорьемъ для его миссіонерской дѣятельности. Онъ могъ изъ корсунской славянской азбуки узнать болѣе точно число славянскихъ звуковъ и воспользоваться этими свѣдѣніями для изобрѣтенія новой азбуки. И дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи Константина изъ хазарской миссіи, которую

относятъ приблизительно къ 861 году ¹⁾, онъ изобрѣтаетъ письменна для Славянъ, которая несетъ съ собою въ Моравію. Конечно, намъ могутъ возразить: къ чему было Константину изобрѣтать совершенно новыя письмена, тогда какъ было бы легче и практичнѣе усовершенствовать уже существовавшія? На нашъ взглядъ, Константинъ поступилъ такъ потому, что былъ ученый, лингвистъ, а не заурядный миссіонеръ, потому, что желалъ быть изобрѣтателемъ совершенно новыхъ письменъ, ибо это могло льстить его ученому самолюбію. Вѣдь могъ бы и св. Стефанъ Пермскій, апостоль Зырянъ, ввести русскую азбуку для зырянскаго языка, но онъ предпочелъ изобрѣсти совсѣмъ новыя письмена. Быть можетъ, новизна этихъ письменъ была одной изъ причинъ, по которымъ Стефанова азбука (изобрѣтенная въ 1372 году) была заброшена преемниками зырянскаго апостола въ миссіонерскомъ дѣлѣ ²⁾. Думаемъ, что и славянскій апостоль желалъ заслужить похвалу, дѣйствительно воздаваемую ему и его брату въ Словѣ похвальномъ „на память силѣтима и прѣславныма оучителяма словѣньскоу языку“, въ которомъ прославляются оба апостола „не на тоужемъ основани свое дѣло полагающа, нъ изнова письмена въображыша“ ³⁾.

Продолжая гадать, можно предположить, что и зачатки перевода Евангелія на славянскій языкъ, существовавшіе у корсунскихъ Славянъ, могли пригодиться Константину. Для всякаго филолога понятно, какой громадный трудъ представляетъ переводъ Священнаго Писанія на языкъ совершенно нелитературный, не имѣющій множества необходимыхъ отвлеченныхъ словъ для выраженія христіанскихъ понятій, не имѣющій грамматики и даже письменъ. Конечно, до насъ не дошелъ въ подлинномъ видѣ переводъ Константина, но вѣдается, существуетъ общее убѣжденіе, что текстъ славянскихъ Евангелій XI в. едва ли сильно отличается отъ основнаго Константинова переложенія. Между тѣмъ, этотъ переводъ, говоря относительно, на столько точенъ и складенъ, что филологу трудно примириться съ мыслью, что онъ представляетъ первый опытъ и сдѣланъ человѣкомъ, не имѣвшимъ предшественниковъ въ этой работѣ. При томъ, припоминая хронологическія данныя, филологъ долженъ поражаться быстротой работы. Въ короткое время святымъ

¹⁾ См. *Влабасова*, Кириллъ и Методій, II стр. 22.

²⁾ См. о дѣятельности Стефана Пермскаго статью г. *Лыжина* въ декабр. кн. *Ж. М. Н. Пр.* 1883 г. (Пятидесятіе Зырянскаго края).

³⁾ См. *Бодянского*, О времени происхожденія слав. письменъ, стр. 48.

братьямъ удастся настолько изготвить переводовъ богослужебныхъ текстовъ, что они могутъ вводить славянское богослуженіе въ Моравію. Что-то чудесно.

Теперь намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: изъ какихъ буквъ состоялъ корсунскій прототицъ кириллицы, и какъ сложилась эта азбука? Чтобы уяснить наше предположеніе, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя черты хазарской миссіи Константина. Легенды говорятъ, что путешествіе Константина къ Хазарамъ было вызвано посольствомъ хагана къ императору. Въ это время Хазары уже частью исповѣдывали религію Моисея и частью исламъ. Были среди нихъ несомнѣнно и христіане, и язычники. Конечно, политика Византіи требовала поддержать христіанскій элементъ въ Хазарскомъ царствѣ и такимъ путемъ распространить на него византійское вліяніе. Вѣроятно, миссіонерскія попытки со стороны Византіи (или Корсуни) были и раньше миссіи Константина, и само по себѣ извѣстіе объ отправкѣ Константина не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Для того, чтобы миссія имѣла успѣхъ, принимаются надлежащіе мѣры: миссіонеръ долженъ приготовиться, предварительно собравъ нужныя ему свѣдѣнія у корсунскихъ Грековъ, какъ ближайшихъ сосѣдей Хазаръ. По свидѣтельству латинской легенды о жизни и перенесеніи мощей св. Климента, въ Корсунѣ Константинъ пробылъ нѣкоторое время съ цѣлью изученія языка того народа (то-есть, Хазаръ) ¹⁾. Дѣйствительно, въ Корсунѣ толклось много всякихъ иноземцевъ, приходившихъ по торговымъ дѣламъ съ востока и съ сѣвера, и въ этомъ полуварварскомъ городѣ, конечно, можно было видѣть немало и Хазаръ. О количествѣ пришлаго элемента населенія Корсуни свидѣтельствуетъ и вышеприведенная легенда, разказывая о разспросахъ Константина о мѣстѣ, гдѣ слѣдовало искать мощей Климента римскаго: „всѣ эти вышеназванные (то-есть, мѣстные жители), такъ какъ они были не туземцы, а пришельцы отъ различныхъ племенъ, сознались ему, что они ничего не знаютъ о томъ, что онъ разыскиваетъ“ ²⁾. Очевидно, что въ этомъ городѣ можно было удобно подготовиться для поѣздки на востокъ и научиться и по хазарски, и по еврейски (отъ крымскихъ Евреевъ), и по славянски отъ Русскихъ Славянъ, и по готски отъ азовскихъ Готовъ, и по болгарски, отъ

¹⁾ См. *Вильбасовъ*, о. с. II, p. 315.

²⁾ Ad quem praefati omnes (sc. loci incolae), utpote non indigenae, sed diversae ex gentibus advenae, se quod inquireret omnino nescire professi sunt.

черноморскихъ Булгаръ. Трудно было бы найти пунктъ болѣе удобнаго служить операционнымъ базисомъ Византизма для сношеній съ припонтійскими народностями. Миссія Константина имѣла специальную цѣль — поддержать у Хазаръ христіанство противъ стремленій религіи Моисея и Магомета. Известно, что Хазары приняли частью законъ Моисея еще въ VIII вѣкѣ, слишкомъ за столѣтіе до миссіи Константина, и хотя официально и была иѣротеримность въ Хазарскомъ царствѣ, однако три религіи не уживались между собою и сторонники того или другого иѣроученія, конечно, старались приобрести первенство при дворѣ хагана. Вѣроятно, этотъ дворъ въ IX вѣкѣ представлялъ такую же борьбу религіозныхъ партій и также былъ занятъ религіозными дебатами, какъ соврѣменный ему византийскій дворъ. Въ виду того, что легенды мотивируютъ прибытіе хазарскаго посольства въ Византію желаніемъ хагана имѣть при дворѣ христіанскаго богослова-діалектика; можно думать, что сварженіе посольства было дѣломъ христіанской партіи при дворѣ хагана, которая вызвала себѣ подмогу изъ Византіи, этого центра христіанства. Конечно, и послы, взявшіе на себя такое порученіе, были либо христіане, либо лица, расположенныя къ этой религіи, потому что едва ли были бы посланы магометане или Евреи за орудіемъ противъ нихъ же самихъ. Можно думать, что въ числѣ членовъ посольства, которое, конечно, вело переговоры въ Византіи по гречески, были Греки, натурализовавшіеся у Хазаръ, или Славяне, скорѣе другихъ народовъ могшіе знать греческій языкъ. Изъ арабскихъ источниковъ известно, что въ Птиль былъ многочисленный контингентъ славяно-русскихъ жителей.

Спрашивается теперь: какія лингвистическія позванія долженъ былъ приобрести Константинъ, чтобы съ нѣкоторымъ успѣхомъ совершить свою религіозную миссію? Ему предстояло вести дебаты съ евреями объ ихъ писаніи и (по легендамъ) съ мусульманами. Могъ ли бы онъ отжаться на споръ съ евреями на еврейскомъ (или халдейскомъ) языкѣ? Конечно, нѣтъ: для подобнаго спора, чтобы хоть нѣсколько были уравнены шансы обѣихъ сторонъ, нужно было отлично владѣть языкомъ исповѣдниковъ религіи Моисея, а приобрести такія позванія въ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ возможности, что ясно для всякаго, кто не допускаетъ чудесъ. Но, можетъ быть, Константинъ велъ пренія на языкѣ хазарскомъ? Мы не знаемъ, какой это былъ языкъ: арабскіе писатели говорятъ, что онъ не былъ похожъ ни на турецкій, ни на персидскій, ни на какой-нибудь дру-

гой языкъ. Предположимъ, что онъ былъ самый легкій изъ языковъ, и все-таки будетъ непонятно, какимъ образомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ можно было — при тогдашнихъ приѣмахъ преподаванія, безъ грамматики и словаря — научиться ему на столько, чтобы вести на немъ учное словопреніе. Остается предположить, что Константинъ, для уравниванія шансовъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ какому нибудь международному языку. Взглядъ же на карту и нѣкоторыя историческія соображенія показываютъ, что такую lingua franca могъ быть языкъ южно-русскихъ Славянъ. Въ половинѣ IX столѣтія Хазарамъ подвластна была вся юго-восточная полоса Россіи; они брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей. По указаніямъ арабскихъ писателей, Славяне простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Сѣверянъ и Вятичей Пестора; кажется, жили они колоніями и по бережьямъ Азовскаго моря, въ Тмутаракани. Съ VI вѣка замѣчается сильный приливъ славянской стихіи съ сѣвера на югъ, къ берегамъ Чернаго моря и далѣе къ Дунаю и за Дунай. Отливъ начался лишь въ X вѣкѣ, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ Славяне, тѣснимые дикими пришельцами, находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи.... Въ половинѣ IX столѣтія, когда Константинъ ѣздилъ въ Хазарію, отливъ Славянъ къ сѣверу еще не начинался: это было за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ.... Славянскія поселенія были, вѣроятно, весьма значительны въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать Константинъ, чтобъ изъ Константинополя чрезъ Корсунъ прибыть къ ставкѣ хагана Хазарскаго... Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Хазарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ (разумѣется, въ европейской части имперіи). Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обоими государствами (Хазаріей и Византіей)—элементъ славянскій, вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать Евангеліе при дворѣ хагана Хазарскаго и между его подданными,—языкъ славянскій; вотъ почему для миссіи былъ выбранъ Константинъ, который, какъ Солувецъ, чисто говорилъ по славянски. Эти соображенія, высказанныя Гильфердингомъ ¹⁾, кажутся намъ весьма правдоподобными, и мы не видимъ достаточнаго основанія забрасывать ихъ вмѣстѣ съ г. Вильбасовымъ ²⁾. Напомнимъ, что въ одномъ пролож-

¹⁾ Собраніе сочиненій *Гильфердинга*, т. I, стр. 306 и 307.

²⁾ О. с. р. 165.

номъ житіи Меодія встрѣчаемъ обрѣненное какъ бы случайно извѣстіе, что Константинъ упросилъ Меодія сопутствовать ему къ Хазарамъ, по той причинѣ, „яко умѣяше языкъ славѣньскъ“, — извѣстіе, могущее подкрѣпить вышеприведенную догадку, хотя Бодянский ¹⁾ и старается объяснить внесеніе этихъ словъ въ прологъ мнѣніемъ, существовавшимъ въ средніе вѣка о славянствѣ Хазарь. Намъ кажется, что фактъ сопровожденія Константина его братомъ вовсе не нуждался въ мотивовъ, будучи весьма естественъ самъ по себѣ, и что поэтому слова — яко умѣяше языкъ словѣньскъ — не домыселъ позднѣйшаго книжника, вызванный желаніемъ объяснить, почему Меодій поѣхалъ съ Константиномъ ²⁾. Если братья были отправлены въ эту миссію, которой византійское правительство придавало большое значеніе, именно вслѣдствіе ихъ знанія славянскаго языка, то можетъ быть, Константинъ не случайно нашелъ въ Корсунѣ человѣка, бесѣдовавшаго по русски, а потому, что желалъ научиться этому языку и не ради одной филологической любознательности примѣнялся къ нему. Если въ Успеніи св. Кирилла говорится, что въ Корсунѣ Константинъ научился жидовской бѣсѣдѣ и книгамъ, а также самарянскимъ, то и это извѣстіе, хотя и приукрашенное, могло бы сводиться къ далеко не удивительному факту, что, готовясь къ диспуту съ Евреями, философъ счелъ нужнымъ нѣсколько познакомиться съ ихъ писаніемъ въ оригиналѣ, но конечно, не для того, чтобы спорить на еврейскомъ языкѣ. Впрочемъ, стоять за подлинность этого извѣстія позднѣйшихъ легендъ слишкомъ рискованно.

Какъ бы то ни было, если мы допустимъ вѣроятность извѣстія о находженіи Константиномъ въ Корсунѣ славянской азбуки, то всего проще предположить, что это были письмена, сложившіяся у корсунскихъ крестившихся Славянъ изъ смѣшенія греческихъ письменъ съ какими-то восточными, при чемъ послѣднія были употреблены для специально славянскихъ звуковъ. Какія же восточныя письмена могли быть употребляемы прионтійскими Славянами? Происхожденіе этихъ письменъ, какъ видно изъ добавленныхъ буквъ, ведетъ насъ въ Персію; но такъ какъ прямыхъ сношеній Славянъ съ этимъ го-

¹⁾ О. с. р. 73.

²⁾ Впрочемъ, еще нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что Меодій сопровождалъ брата въ Корсунь. Г. Вильбасовъ рѣшительно отвергаетъ это. По его мнѣнію, въ то время какъ Константинъ ѣдетъ къ Хазарамъ, Меодій просвѣщаетъ Волгарь (II, 162).

сударствомъ мы не знаемъ, то остается прибѣгнуть къ новой гипотезѣ о томъ, что посредниками при передачѣ этихъ письменъ Славянамъ служили Хазары, которымъ Славяне платили дань. Составляя значительный элементъ въ хазарскихъ городахъ, Славяне должны были подчиниться нѣкоторому влиянію хазарской культуры, которая, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, была не незнакома и, несомнѣнно, не ниже славянской. У нихъ были укрѣпленные города, пышный придворный штатъ, постоянное войско, постоянныя торговыя сношенія съ Востокомъ, и несомнѣнно, была письменность, хотя до насъ не дошло и ни одной строчки. Впрочемъ, до насъ не дошли даже развалины хазарскихъ городовъ. О томъ, что письменность должна была существовать, можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ: часть Хазаръ, съ хаганомъ во главѣ, исповѣдовала культурную религію, основанную на писаніи—иудейство; другая часть религію Магомета, также основанную на книгѣ—Коранѣ; арабскіе писатели упоминаютъ о многочисленныхъ кадіяхъ въ столицѣ Хазаръ. Третья часть исповѣдовала христіанство. При дворѣ хазарскомъ должны были быть писцы, для письменныхъ сношеній съ Греками, а эти сношенія были довольно тѣсны. Намъ извѣстно, что Византійскіе императоры заискивали у хагановъ, и послѣдніе считались могущественнѣйшими изъ всѣхъ государей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ византійскій дворъ. Юстиніанъ Ринотметъ въ 702 г. женился на дочери хагана (Феофаніи), въ 732 г. Константинъ Копронимъ—на дочери хагана (Иривѣ, которая ввела при византійскомъ дворѣ въ моду хазарскую одежду, цикакію). Хазарскимъ царямъ приписываются письма (письмо царя Іосифа къ Еврею Ибнъ-Хаздаку) и интересъ къ слуханію религіозныхъ диспутовъ. Словомъ, все указываетъ на то, что Хазары обладали уже извѣстною сравнительно высокою культурой, и что ихъ слѣдуетъ выдѣлять изъ массы полудикихъ азіатскихъ кочевниковъ, вторгавшихся въ Европу—Гунновъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Половцевъ. Сравнительная культурность Хазаръ объясняется, быть можетъ, сложностью племеннаго состава ихъ государства: это не былъ, по видимому, народъ одного племени, а рядъ народовъ, подчинившихся какому-то народу-завоевателю, можетъ быть, болѣе грубому, но въ теченіе времени воспринявшему нѣкоторую культуру отъ побѣжденныхъ, въ составъ коихъ входили, между прочимъ, крымскіе Готы, Евреи, Славяне, Булгары и друг. Воспріятіе культурныхъ элементовъ могло быть, впрочемъ, и болѣе раннее, такъ какъ Хазары на востокѣ, въ Закавказьѣ, сошлись съ

Персами; не говоря уже о равнинѣ ихъ вторженіяхъ въ Арменію, уюмившихъ Моисеевъ Хоренскихъ, слѣдуетъ вспомнить, что въ VI в. Персидскій царь Кобадъ сынъ Перома строилъ противъ нихъ въ Закавказьѣ длинный валъ (Кавказская стѣна), а Хисро Анаширванъ—крѣпость Дербендъ, что въ VII в., пользуясь смутами въ Персіи, Хазары, въ союзѣ съ императоромъ Цираклиемъ, сильно тѣснятъ Персовъ, поставляютъ Византіядамъ 40,000 отборнаго войска, за что Хазарскій царь Зябелъ получаетъ корону съ голою Цираклиа.

Равными сношеніями съ сосѣднею Сассанидскою монархіею слѣдуетъ объяснить и то, что предполагаемая хазарскія письмена (выводимыя нами изъ добавленныхъ къ кириллицѣ буквъ) являются сколкою съ авестійскихъ. Дѣйствительно, если вообще допускать существованіе письменъ у Хазаръ, то всѣ историческія изображенія должны говорить въ пользу предположенія, что письмена зашли къ Хазарамъ отъ ихъ болѣе культурныхъ сосѣдей—Персовъ, ибо другаго источника нельзя предположить. Конечно, Хазары могли бы получить письмена вѣсть съ религіей отъ крымскихъ Евреевъ, но это могло бы произойти не ранѣе VIII вѣка; и если это дѣйствительно было такъ, то мы опять будемъ поставлены въ недоумѣніе, какииъ же путемъ объяснить существованіе авестійскихъ буквъ въ кириллицѣ. Изъ еврейской азбуки, какъ мы уже выше замѣтили, можно объяснить только буквы ц (цадэ) и ш (шинъ).

Итакъ, мы рискуемъ предположеніемъ, что къ славянскимъ поданнымъ Хазаръ попали нѣкогда списки авестійскихъ азбукъ, и они, какъ, можетъ быть, и Хазары, примѣнили эти начертанія къ звукамъ роднаго языка и нуждахуся писать восточными письменами славянску рѣчь безъ устроенія.

Устройство явилось, вѣроятно, у корсунскихъ Славянъ-христіанъ. Они-то, можно думать, замѣнили большую часть персидскихъ письменъ буквами греческой азбуки, и эта новая азбука, вполнѣдствіи усовершенствованная, и были тѣ русскія письмена, которыми Константинъ нашелъ въ Корсуни. Философъ только отчасти воспользовался этими письменами при составленіи своей азбуки (глаголицы), но быть можетъ, она стала извѣстна его ученикамъ, и одинъ изъ нихъ, епископъ Климентъ, сталъ ради большей ясности употреблять ее въ своей Болгарской епархіи. По мнѣнію Шафарика и Водянскаго, „Климентъ послѣдовалъ за Константиномъ въ Хазары, и будучи очевидцемъ обрѣтенья мощей Климента, нана Римскаго, Константиномъ, не только составилъ извѣстное сказаніе о томъ, но даже рѣшился, изъ особен-

наго уваженія къ сему святителю, принять на себя имя его при постриженіи своемъ въ монашество¹⁾. Естественно поэтому, что именно о Климентѣ, а не о какомъ-нибудь иномъ изъ учениковъ славянскихъ апостоловъ, разказываетъ преданіе, что онъ вводилъ иныя начертанія письменъ²⁾.

Всев. Шплеръ.

¹⁾ *Бодяжскій*, О. с. р. 74.

²⁾ Предлагаемая статья была изложена нами въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 8-го мая 1882 г. (см. Древности, томъ IX, протоколъ № 198). Уже когда она была въ наборѣ, намъ пришлось прочесть обширное наследованіе *Гейтлера*: *Die Albanesischen und Slavischen Schriften* (Wien, 1883), въ которомъ авторъ выводитъ глаголицу изъ албанскихъ письменъ, дошедшихъ до насъ въ немногочисленныхъ рукописяхъ начала XIX в. изъ города Эльбассана. Гейтлеръ старается доказать, что эти письмена были въ употребленіи въ отдаленныя времена на родинѣ глаголицы Македоніи. *Добавочныя* къ кириллицѣ буквы авторъ выводитъ изъ греческихъ письменъ, (напримѣръ ш изъ ω, ч, ц изъ разныхъ рукописныхъ формъ греч. с, ς, ϣ изъ α, ¹к изъ ε), а въкоторыя считаетъ заимствованными изъ глаголицы (ю, ж, ъ, ѝ, ѣ). Привнеся, что теорія Гейтлера не показалась намъ убѣдительною, хотя мы нашли въ его трудѣ много отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній. Впрочемъ, конечно, мы далеки отъ мысли, чтобы и наша гипотеза была вполне убѣдительною. Если нашу случайную догадку, найденную кажушимся сходствомъ *добавочныхъ* буквъ съ австрійскими, мы рѣшились обставить въкоторыи соображеніями и предать гисненію, то лишь въ виду того, что можетъ быть, въкоторыи наши замѣчанія пригодятся спеціалистамъ по славяновѣднію.